

ДИСКУСІЇ

Алексей Комар

К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева

В дискуссии о происхождении Киева периоды относительного согласия между исследователями обычно чередовались со всплесками острой полемики, катализатором которой часто выступали новые археологические открытия или обобщающие работы¹. Так случилось и на сей раз: выработанная к началу 1980-х гг., казалось бы, единая концепция происхождения города киевских археологов² неожиданно зашаталась при попытке пересмотра топографии Киева IX–X вв.

Мысль о неадекватности количества обнаруженных на Старокиевской горе жилищ X в. статусу жилого центра города, высказанная ещё В. А. Богусевичем³, в последнее время всё чаще повторяется в печати. Действительно, планомерные исследования Подола показали наличие здесь признаков уличной застройки уже в нач. X в., тогда как на Старокиевской горе вне древнейшего городища для этого же времени фиксируется только большой курганный могильник. Это подтолкнуло М. А. Сагайдака к предположению, что могильник принадлежал жителям Подола⁴. На особой роли Подола как «колыбели города Киева» акцентировал внимание и Ю. Г. Писаренко, рассматривая легенду о Кие-перевозчике как отражение реального возникновения города у перевоза⁵.

По мнению В. Н. Зоценко, могильник конца IX–X вв. на Старокиевской горе перекрывал площадь древнейшего городища VI — нач. IX вв., княжеский же двор и, соответственно, административный центр X в. (до его перенесения Владимиром на Старокиевскую гору) находился на соседней Замковой горе (Киселёвке)⁶. Схожие взгляды высказал и К. А. Михайлов, поддержавший версию о

---

1 См. обзор литературы: Боровский Я. С. *Походження Києва. Історіографічний нарис*. К., 1981.

2 *Новое в археологии Киева*. К., 1981; Килиевич С. Р. *Детинец Киева IX — первой половины XIII веков*. К., 1982; Толочко П. П. *Древний Киев*. К., 1983 и др.

3 Богусевич В. А. Про походження і топографію Києва за археологічними даними. *Археологія*. Т. 7. 1952. С. 66–71.

4 Сагайдак М. А. Актуальні питання зародження та формування раннього Києва. *Магістеріум. Археологічні студії*. Вип. 6. 2001. С. 14–15.

5 Писаренко Ю. Першопочатки Києва: наукові уявлення та народна традиція. *Київська старовина*. № 1. 2002. С. 30–32.

6 Зоценко В. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного» периода. *Ruthenica*. Т. II. 2003. С. 27–52.

роли Старокиевской горы только как могильника и о перенесении сюда административного центра в конце X в. из «пока неизвестного места»⁷.

Статья В. Н. Зоценко вызвала ответ со стороны Ф. А. Андрощука, указавшего на ошибки в локализации погребений, а также оспорившего ряд интерпретаций скандинавских находок из Киева и роль Подола как места поселения скандинавов. В его модели, Киев первой пол. X в. был лишён чётких «административных центров» на горах и состоял до возведения (на месте заброшенного поселения на Подоле и «посёлков» скандинавов на Кирилловских высотах («Угорском»)⁸.

Дискуссию продолжила статья В. К. Козюбы⁹. Пересмотрев локализацию упомянутых В. Н. Зоценко древнерусских погребений, исследователь пришёл к выводу о неаргументированности версии перекрытия могильником X в. древнейшего городища. Факт перекрытия камерным погребением 110 *уже засыпанного* рва послужил основой для опровержения мнения о нивелировке вала и рва древнейшего городища во время Владимира. Упоминание же о находке на дне рва во время раскопок Д. В. Милеева 1912 г. скелета со стрелами «великокняжеского периода» позволило связать перестройку укреплений с осадой Киева печенегами 969 г. Сооружение самих укреплений В. К. Козюба отнёс не к пражскому времени, а к VIII–IX вв., указав на датировку VIII в. жилища 1939 г. из усадьбы Петровского, опровергающего мнение Ф. А. Андрощука о прекращении существования поселения на Старокиевской горе до конца VII в. Исследователь поставил перед оппонентами целый ряд вопросов, предложив новый взгляд на роль Старокиевской крепости в IX–X вв.: не как заселённого центра города, княжеского или административного центра, а лишь как крепости, защищающей подступы к Подолу. Одновременно В. К. Козюба поддержал мнение Б. А. Рыбакова об отождествлении «городка Кия» с поселением на Киселёвке.

В нынешней фазе дискуссии вырисовывается целый комплекс важных вопросов исторического и археологического характера, существенно влияющих на общую концепцию происхождения и развития Киева, которые, несомненно, требуют нового открытого обсуждения. Часть из них мы лишь контурно наметим, на другую попытаемся предложить ответы, акцентировав внимание, в первую очередь, на малоизвестных фактах и аспектах истории раннего Киева.

«Киев» — город, крепость или топоним?

Для «учёной мысли XXI века» неожиданно проблемным оказался вопрос: что такое «Киев» — название города, городища или местности (горы, перевоза)?

7 Михайлов К. А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная. *Российская археология*. № 1. 2004. С. 35.

8 Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. *Ruthenica*. Т. III. 2004. С. 7–47.

9 Козюба В. К. Городище на Старокиївській горі. *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.* К., 2004. С. 139–152.

Начальные страницы летописи, рассказывающие легенду о визите апостола Андрея на место основания Киева, не оставляют сомнений, что в обыденном представлении XI–XII вв. «Киев» — это, прежде всего, «город на горах». В статье 882 г. упоминаются «горы Киевские», но в истории с Андреем летописец уточняет, что апостол «слѣзь с горы сея идеже послѣже бысть Киевъ»; «градок на горе», он же «город Кия, Щека и Хорива» увидели Аскольд и Дир, приближаясь к Киеву, также «гора Киевская» упоминается в статье 945 г.¹⁰ Существование узкого топонима «Киевская гора» и широкого «Киевские горы», вероятно, параллельно существованию узкого значения «Киева» как «град, городок» и широкого — «город», отражающим две стадии развития Киева.

Согласно легенде об основании города, три брата (Кий, Щек и Хорив), сели на трёх горах, после чего «створиша городок во има брата ихъ старѣишаго и наркоша Киевъ»¹¹. Буквальная трактовка предполагает возникновение трёх поселений на горах, на одном из которых, расположенном на горе, «гдѣже ныне оувозъ Боричевъ», была возведена небольшая крепость — «градок Киев». Значение «Киева» именно как крепости сохраняется и в сюжете ПВЛ о прибытии древлянских послов к Ольге. Пассаж «Древнейшего свода», передающий целостный легендарный сюжет о погребении Ольгой древлянских послов в лодье живьём на ее «дворе теремном вне града», в ПВЛ прерывается комментариями редактора, попытавшегося объяснить, каким же образом древлянские лодьи могли пристать непосредственно к Боричеву и почему здесь находился двор Ольги «вне града». По мнению редактора,

«бѣ бо тогда вода текущи возлѣ горы Къевския и на Подолѣ не сѣдахуть люде но на горѣ. город же баше Киевъ идеже есть нынѣ дворъ Гордатынъ и Никифоровъ а дворъ княжь баше в городѣ идеже есть нынѣ двор Воротиславль и Чюдинь»¹².

Можно полностью согласиться с В. Н. Зоценко, что «город Киев» в 945 г. находился вне древнейшего городища, на котором располагался княжеский «двор теремный вне града», идентифицированный редактором как «терем каменный за св. Богородицей над горой». Фундаменты этого сооружения открыты, но дата возведения дискусионна — от середины до конца X в. Важно другое — комментарии редактора ясно свидетельствуют о восприятии этих фундаментов жителями Киева XI в. как остатков княжеского терема на месте *теремного двора Ольги*. Такими же отдалёнными представлениями пользовался редактор и при локализации «града Киева» и основного княжеского двора сер. X в., идентифицируя их с

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Ст. 8, 20, 21, 23, 55; ПСРЛ. Т. 2. Ст. 6, 7, 15, 44.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Ст. 7.

¹² Там же. Ст. 43–44; ПСРЛ. Т. 2. Ст. 55–56.

какими-то остатками укреплений на боярских дворах, подобно локализации лагеря Владимира на Дорогожичах в статье 980 г.: «и есть ровъ и до сего дне»¹³.

Согласно П. П. Толочко и Б. А. Рыбакову, существовало не одно, а два «поселения Кия» — на Замковой и Старокиевской горе, из которых главным было первое¹⁴. На Замковой горе «град Киев» статьи 945 г. локализирует В. Н. Зоценко; иначе этот отрывок интерпретирует В. К. Козюба, локализируя «град» на Старокиевской горе, но, заметим, считая местом расположения «городка Кия» именно Киселёвку. Какая же гора в действительности называлась «Киевской»?

По легенде о визите Андрея, «Киевской горой» следует считать Андреевскую горку или же шире — Старокиевскую гору, которая документировано называлась «Киевской» в XVII–XVIII вв. В легенде о возникновении Киева и в статье 945 г. фигурирует ещё один ориентир — «Боричев узвоз». Б. А. Рыбаков, отождествляя гору, на которой сидел Кий, с Замковой, а Боричев узвоз — с Андреевским спуском, аргументировал его упоминание отсутствием на Замковой горе ярких ориентиров для её описания, противопоставив целый набор таких на Старокиевской горе: каменные княжеские дворцы, Десятинная церковь. Подобная аргументация резонна в случае возникновения легенды об основании Киева не ранее нач. XI в., когда все указанные ориентиры уже существовали. Но, согласно статье 945 г., фраза «где же ныне узвоз Боричев» была актуальной уже для сер. X в., т. е. ко времени составления Начального свода словесная форма легенды могла существовать в неизменном виде как минимум столетие.

Киселёвка — вторая доминантная высота Киева — вряд ли могла быть выпущена и в легенде о братьях-основателях, и в топографическом описании древнего Киева, поэтому её часто отождествляют с Хоревницей¹⁵. Структура легенды однозначно топонимическая: летописец указывает на расположение *древних, уже не существующих поселений* на трёх горах, которые «ныне» называются Киевской, Щекавицей и Хоревницей, не уточняя их локализацию, и так понятной древнему жителю Киева. Фраза: «гора гдѣже ныне оузвозъ Боричевъ» — скорее не уточнение, а всего лишь замена отсутствующего в предложении «Киевская» во избежании тавтологии. Предположение, что таким образом автор хотел обозначить Замковую гору, проблематично, поскольку любой *узвоз* находится *на горе*, охватывая дорогу от её *подножия* до *вершины*. Боричев же узвоз во всех упоминаниях связывал Подол и Старокиевскую гору. Обратимся к статье 945 г. и эпизоду погребения древлян, прокомментированному редактором XI в. «Киевская гора» упоминается как место, куда пристали древлянские лодьи — «подъ Боричевымъ» (что вызвало примечательный комментарий редактора: «бѣ бо

13 ПСРЛ. Т. 1. Ст. 76.

14 Толочко П. П. *Исторична топографія стародавнього Києва*. К., 1972. С. 65–66; Толочко П. П. *Древний Киев*. С. 45–46; Рыбаков Б. А. *Город Кия. Вопросы истории*. № 5. 1980. С. 42–45; Рыбаков Б. А. *Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.* М., 1982. С. 102–107.

15 Показательно, что Феодосий Софонович, перенес Хоревницу из Киева в Вышгород, был вынужден всё же добавить третью гору и поселение на ней — «на горе високои... над Лыбедю» «замок Лыбеды» (Феодосій Софонович. *Хроніка з літописців стародавніх*. К., 1992. С. 58).

тогда вода текущи възлѣ горы Къевскыа». От подножия Киевской горы древлян вынесли Боричевым узвозом на её вершину к терему Ольги вне града, расположение которого редактор также уточнил: «за святою Богородицею надъ горою».

Спорна, однако, локализация древнего Боричева узвоза¹⁶. Попытки исследователей определить его местоположение, опираясь на топографические приметы Киева XVI–XVIII вв., едва ли убедительны: склоны киевских гор подвергались интенсивному разрушению и оврагообразованию, несомненно, серьёзным образом изменивших облик и трассы древних узвозов.

Преимственность поселений на Старокиевской горе

Существовало ли славянское поселение на Старокиевской горе непрерывно с VI по IX в., или же в его развитии были перерывы?

В IV в. площадку будущего городища занимало ещё не поселение, а черняховский могильник, функционировавший до заключительной фазы культуры (период D1), т. е. до конца IV — нач. V вв. Затем в использовании площадки последовал небольшой перерыв, нарушили который носители пражской культуры. В VI в. здесь возникло поселение, о чём свидетельствует исследованное жилище¹⁷. П. П. Толочко отнёс его к ранней фазе пражской культуры конца V — нач. VI вв., а И. О. Гавритухин датирует пражские слои Киева в основном в рамках VI в.¹⁸ Последней дате не противоречат находки литых браслетов с расширенными концами из слоя городища, опубликованные Ф. А. Андрощуком¹⁹, поскольку в горизонте кладов Поднепровья типа Мартыновки (1-й группы по О. А. Щегловой) браслетов с врезками на концах нет. Такие браслеты известны в слое городища Зимно, судя по характерному набору раннегеральдических деталей поясных наборов, погибшему не позже нач. VII в. Монетные находки VI в. с Замковой горы долгое время заставляли исследователей утверждать наличие поселения праж-

16 Сегодня существует две гипотезы относительно того, где в древности находился Боричев узвоз. Первая отождествляет его с современным Андреевским спуском (см.: Толочко П. П. *Исторична топографія стародавнього Києва*. С. 9–20. Бліфельд Д. І. До питання про Боричів узвіз стародавнього Києва. *Археологія*. Т. II. 1948; Петров Н. И. *Историко-топографические очерки древнего Киева*. К., 1897. С. 100–106; Рыбаков Б. А. *Город Кия*. С. 42–45; Рыбаков Б. А. *Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.* С. 102–107); вторая локализирует Боричев узвоз вдоль позднейшего Михайловского (Рождественского) спуска (см.: Гупало К. Н. *Подол в древнем Киеве*. К., 1982. С. 10–11; Сагайдак М. А. *Давньокієвський Поділ*. К., 1991. С. 16–21. Климовський С. І. *Соціальна топографія Києва XVI — середини XVII сторіччя*. К., 2002. С. 15–16).

17 *Новое в археологии Киева*. Рис. 18–19; Килиевич С. Р. *Детинец Киева IX — первой половины XIII веков*. Рис. 12–13; Толочко П. П. *Древний Киев*. С. 28. Рис. 9–10.

18 Толочко П. П. *Древний Киев*. С. 28. Гавритухин И. О., Шовкопляс А. М. Комплексы пражской культуры с Оболони и некоторые проблемы изучения памятников типа Корчак. *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 208. 1993. С. 52–62.

19 Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. Рис. 2.

ской культуры VI–VII вв. и здесь, даже считая его историческим ядром города²⁰. Впрочем, ещё М. К. Каргер указал на ошибочность датировки этим временем комплексов с лепной и раннегончарной керамикой, соотнеся их с роменской культурой и датировав VIII–IX вв.²¹ Сейчас же ясна многослойность поселения на Киселёвке, где обнаружены слои зарубинецкой и киевской культуры, культуры Луки-Райковецкой, причём сочетание в объектах и слое последней гончарной (в т. ч. древнерусского облика) и лепной посуды указывает в основном на вторую пол. IX в. — первую пол. X вв.²² Ни объектов, ни выразительных пражских керамических материалов на Замковой горе пока нет, что оставляет под вопросом факт существования здесь поселения VI–VII в.

Пражское поселение на Старокиевской горе, хотя и находится в «городищенских» топографических условиях, пока не демонстрирует черт, выделяющих его из среды обычных земледельческих посёлков: здесь не обнаружены ни ремесленные, ни «дружинные» комплексы, а, следовательно, в силу подсечного характера земледелия поселение ожидал в скором времени перенос на другое место. Об этом свидетельствует и отсутствие на территории Киева находок характерных пальчатых фибул, украшений или поясных деталей горизонта Мартыновского клада. За исключением одной находки пальчатой фибулы, остальные киевские фибулы принадлежат к антропозооморфным; также преобладают находки полых, а не литых браслетов с расширенными концами²³. Указанный комплекс украшений характеризует горизонт кладов 2-й группы по О. А. Щегловой, маркируя время существования и разгрома Пастырского городища (конец VII — нач. VIII вв.). Все материалы конца VII — нач. VIII вв. найдены *вне древнейшего городища*. Какая-то активность на Старокиевской горе и в районе Щекавицы несомненна, но следы поселений этого времени пока, к сожалению, не обнаружены. Важен ещё один момент: культура Пастырского городища генетически не связана с развитием местных славянских культур — она создана переселенцами из Нижнего Подунавья²⁴; все же известные находки изделий ремесленников пастырского круга пока происходят только из ареала пеньковской культуры. Киевский клад 1892 г. — событие, явно связанное с разгромом Пастырского городища и глубоким проникновением кочевников — носителей перещепинской куль-

20 Брайчевский М. Ю. *Когда и как возник Киев*. К., 1964. С. 84–85; Толочко П. П. *Исторична топографія стародавнього Києва*. С. 51–53; Толочко П. П. *Древний Киев*. С. 28–29; Рыбаков Б. А. *Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.* С. 104–106.

21 Розкопи в Києві на горі Киселівці в 1940 р. *Археологія*. Вип. 1. 1947. С. 141–151. Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. I. М.; Л., 1958. С. 96–97, 113.

22 Петрашенко В. О. *Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я*. К., 1992. С. 7, 17; Михайлина Л. П. Хронологія та періодизація старожитностей райковецької культури. *Археологічні студії*. Вип. 1. К.; Чернівці., 2000. С. 121–129.

23 Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье (каталог памятников). МАИЭТ. Вып. 5. 1996. С. 352–353; Боровський Я. Є. *Світогляд давніх киян*. К., 1992. С. 104–105.

24 Приходнюк О. М. Версія Нестора о расселении славян из Подунавья (опыт хронологической стратификации и исторической интерпретации). *Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. К., 1996.

туры — в лесостепь, достигшим Киевщины (Журавлиха, Геленовка, Белая Церковь)²⁵. Похоже, славянское население Киева в это время было связано с южным, «пастырско-пеньковским» ареалом, а не пражским, поселение же находилось где-то в районе Старокиевской горы, но вне самого городища.

Следующий строительный горизонт на городище представлен жилищем 1939 г. из усадьбы Петровского (раскопки Н. В. Геппенера)²⁶. И. Е. Иванцов отнёс жилище к «типу Монастырище», а М. К. Каргер только широко датировал его VII–IX вв.²⁷ Жилище представляло собой полуземлянку с печкой, вырезанной из материковой глины и покрытой сводом из обожжённых вальков и жаровни. В печке и на дне котлована обнаружены фрагменты лепной посуды с примесью кварцита в тесте, в т. ч. и подлощенной, среди которой наиболее выразительны обломки волынцевско-роменского сосуда с вертикальным венчиком; также упоминается фрагмент с волнистым орнаментом. Учитывая, что ни на одном из фрагментов не было характерного роменского орнамента в виде «гусенички», жилище следует уверенно отнести к волынцевской культуре. Н. В. Геппенер к числу датирующих находок зачислил жёлтую глазчатую бусину с красными полосочками вокруг «глаз». По Й. Кальмеру, ей ближе всего тип B2350 группы Vh периодов ВРІХ и ВРХІІ (ок. 960–990 гг.)²⁸. Но бусина найдена не в заполнении жилища, а рядом с ним, датируя уже время формирования древнерусского культурного слоя. Последний очень чётко отделяется и в самом заполнении, перекрывая горелый слой на дне полуземлянки. Согласно дневниковому описанию и разрезу жилища, древнерусский слой конца X–XI вв. опускается фактически на дно котлована, демонстрируя тем самым, что после пожара котлован жилища стоял слабозаплывшим как минимум до второй пол. X в.

Второй объект волынцевского времени был обнаружен в 1958 г. на другом конце городища — в его северо-восточной части. Это была яма овальной формы с волынцевской лепной миской типа I по О. В. Сухобокову в заполнении. Объект перекрывался древнерусским жилищем XIII в.²⁹

По типу печки и посуды волынцевское жилище из усадьбы Петровского резко отличается от жилищных комплексов IX в. культуры Луки-Райковецкой, открытых на Замковой горе и на Кудрявце (усадьба Больницы учёных). Только на склоне Старокиевской горы обнаружены остатки полуземлянки и хозяйственная яма генетически связанной с волынцевской роменской культурой, но включаю-

25 Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы. *Vita Antiqua*. № 2. 1999. С. 133. Комар А. В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным. *Хазары. Материалы II международного коллоквиума*. М., 2004 (в печати).

26 Геппенер Н. В. Археологічні роботи по дослідженню м. Києва в 1939 р. Київської археологічної експедиції на кол. садибі Петровського. *НА ІА НАНУ*. ПМК/К № 48, 95.

27 Каргер М. К. *Древний Киев*. С. 104–105; Иванцов И. О. *Стародавній Київ*. К., 2003. С. 76.

28 Callmer J. *Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. B.* Malmö. 1977. P. 77, 85.

29 Килиевич С. Р. *Детинец Києва IX — першої половини XIII століть*. С. 28, рис. 14; Сухобоков О. В. *Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.)*. К., 1992. С. 22–24, рис. 4.

щие, впрочем, и влияние культуры Луки-Райковецкой в виде печи-каменки и раннегончарной керамики³⁰. Ф. А. Андрощук справедливо заметил, что в указанных комплексах роменская керамика сочеталась уже с гончарной древнерусской, что отмечено и для слоёв Подола конца IX — нач. X вв.³¹ Они маркируют вторую фазу развития роменской культуры — позднероменскую³².

Финал волынцевской культуры, наставший в нач. IX в., и начало позднероменской фазы отделяет раннероменский этап, представленный культурой Опошнянского и Новотроицкого городищ³³. Комплексов этого времени пока не обнаружено на Старокиевской горе и вообще в окрестностях Киева, что не позволяет предполагать прямую эволюцию старокиевского волынцевского поселения в роменское. Очевидно, следы пожара в жилище из усадьбы Петровского одновременно аналогичным пожарам на волынцевских поселениях Правобережного Поднепровья (Ходосовка I, Обухов II) и разгрому Бытицы.

Может ли быть связано старокиевское волынцевское поселение с предшествующим пражским? По мнению В. А. Петрашенко, генетической подосновой волынцевских (или «сахновско-волынцевских») памятников была именно пражская культура. Эту гипотезу исследовательница аргументировала, в первую очередь, «синхронностью» волынцевских и роменских памятников, используя одновременно предложенную О. А. Щегловой верхнюю дату волынцевских памятников (нач. IX в.) и традиционную широкую дату существования роменской культуры (VIII–X вв.), а также «укороченный» ареал памятников волынцевской культуры, на самом деле охватывающий не только все северянские, но и вятичские земли в бассейнах р. Оки (Лебедка) и р. Воронеж (Лысогорский, I и II Белогорский могильники)³⁴. Указывая при этом на наличие отдельных волынцевских черт на поселении культуры Луки-Райковецкой Монастырёк, а также на более южном памятнике из Сахновки, В. А. Петрашенко предположила для них единую подоснову в виде пражской культуры, распространив выводы на всю волынцевскую культуру, но, подчеркнём, не анализируя на предмет преемственности с пражской культурой реальные ранневолынцевские памятники основного ареала — Днепровского Левобережья³⁵.

30 Толочко П. П. *Исторична топографія стародавнього Києва*. С. 49–50; Толочко П. П. *Древний Киев*. Рис. 12.

31 Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. С. 14–15.

32 Комар А. В., Сухобоков О. В. Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности. *Стародавній Іскростень і слов'янські гради VIII–X ст.* К., 2004. С. 166–170.

33 Там же.

34 Никольская Т. Н. *Земля вятичей*. М., 1981. С. 28; Винников А. З. *Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье VIII — начало XI века*. Воронеж, 1995. Рис. 40, 7, 8, 12, 13, 17; Бессуднов А. Н., Кузнецова С. Е. Охранные раскопки на Лысогорском могильнике. *Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи*. Воронеж, 1987. Рис. 1.

35 Петрашенко В. О. Волинцевська культура на Правобережному Подніпров'ї. *Археологія*. № 2. 1989. С. 41–43; Петрашенко В. О. *Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я*. К., 1992. С. 88, 89; Петрашенко В. О. До проблеми археологічної інтерпретації

Реальных оснований для пересмотра основной концепции происхождения волынцевской культуры на базе колочинской и пеньковской культур³⁶ пока нет и они вряд ли появятся в будущем. Наиболее ранние волынцевские памятники, известные в основном в бассейне Десны (Стрелица, Шестовица, Целиков Бугор, Хитцы), несут выразительные колочинские черты. Но одновременно они демонстрируют несомненно новый, синтезный характер культуры, формировавшейся, как и предполагал Е. А. Горюнов, в зоне недавнего глубокого вторжения кочевников в лесостепь³⁷. Время возникновения волынцевских комплексов на Левобережье — первая треть VIII в.³⁸, на Правобережье — середина VIII — первая треть IX вв.³⁹

Итак, налицо несколько явных эпизодов разрыва в развитии славянского поселения на Старокиевской горе. Пражское поселение, вероятно, прекратило своё существование ещё в VI в. В конце VII — нач. VIII вв. вне площадки городища фиксируются отдельные следы жизнедеятельности славянского населения другой традиции, условно «пастырско-пеньковской», которые прерываются с появлением под Киевом кочевников. В VIII в. уже на площадке городища возникает

літописних полян. *Старожитності Русі-України*. К., 1994. С. 182–186. Корни этой концепции, на наш взгляд, лежат не столько в математических методах работы с керамикой, подвергнутых критике О. В. Сухобоковым (Сухобоков О. В. Деякі питання етнокультурної історії Лівобережної України останньої третини I — початку II тис. н. е. *Археологічний літопис Лівобережної України*. № 1–2. 1998. С. 62–63), сколько в желании исследовательницы увидеть в Правобережном Среднем Поднепровье не контактную зону двух культур: Луки-Райковецкой и волынцевской, с соответствующим смещением или взаимовлиянием двух культурных традиций, а самодостаточный культурный ареал, отражающий археологическую культуру летописных полян.

- 36 Березовец Д. Т. *Северяне (перед образованием Киевской Руси)*. Афтореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969; Сухобоков О. В. *Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст.*; Юренко С. П. Население Днепровского Левобережья в VII–VIII вв. н. э. (волынцевская культура). *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. Т. 4. К., 1988.
- 37 Горюнов Е. А. *Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья*. Л., 1981. С. 94; Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы. С. 112, 133; Комар О. В. Ранні хозари у Північному Причорномор'ї. *Археологія*. № 1. 2000. С. 130–140; Комар А. В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов. *Стетипи Європи в епоху середньовіччя*. Т. 2. Донецьк, 2002. С. 34, 35.
- 38 Комар А. В., Сухобоков О. В. Городище «Монастирище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности. С. 166.
- 39 На волынцевских памятниках Правобережья лишь в слое Ходосовки II найдена ранняя «звёздообразная» серьга горизонта Харьевки сер. VIII в. (Готун І. А., Казимір О. М., Петраускас А. В., Петраускас О. В. Дослідження слов'яно-руського горизонту на багатощаровому поселенні поблизу с. Ходосівки. *Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр.* К., 2004. Рис. 15, 1). Наиболее же презентабельна в хронологическом плане коллекция из Ходосовки I, где найдены три блестящих салтовских поясных наборов горизонта II (ок. 790–835 гг.), салтовская серьга горизонтов I–II и цилиндрическая мозаичная бусина типа 52 по С. А. Плетнёвой или МЕР 275 кластера 17 по В. Б. Ковалевской, укладываемогося в рамки IX в., а в Дмитровке несколько уже — в рамки горизонтов II–III (ок. 790–880 гг.) (см.: Петрашенко В. О. Волинцевська культура на Правобережному Подніпров'ї. Рис. 4, 6–9, 12; Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы. С. 129–130; Таб. 4; Плетнева С. А. *На славяно-хазарском пограничье. Дмитровский археологический комплекс*. М., 1989. Рис. 65; Ковалевская В. Б. *Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии*. М., 2000. С. 81).

поселение волынцевской культуры, основанное новой группой населения с Левобережья Днепра. В первой трети IX в. волынцевское поселение сгорело, скорее всего, одновременно с близкими Ходосовкой I и Обуховом, а также более отдалённым волынцевским центром — Битицким городищем. В IX в. на соседней Замковой горе возникает поселение населения другой культуры — Луки-Райковецкой. Отдельные фрагменты керамики этого времени попадают и в слое Старокиевской горы, но объектов здесь пока не обнаружено, поэтому способ использования площадки городища в IX в. остаётся неясным. В конце IX в. небольшой коллектив носителей роменской культуры занимает террасу на склоне Старокиевской горы, ниже городища. Судя по наличию роменских материалов также в слоях Подола конца IX — нач. X в.⁴⁰, в это время просто происходит какое-то вливание северянского населения в среду уже существующего древнерусского Киева.

Расположение жилищных комплексов не на плато, а на склоне горы — явление нехарактерное для роменской культуры. Судя по отдельным переотложенным фрагментам роменской посуды из слоя на плато (в раскопах по ул. Большая Житомирская, 2 и возле Михайловского собора), какая-то активность роменцев фиксируется и здесь, но вне границ древнейшего городища. Объяснена такая топография может быть только одним — на момент основания поселения площадка городища *уже использовались* в каких-то целях населением Киева.

Время сооружения и нивелировки древнейшего городища

В нижней части заполнения рва не упоминаются находки древнерусской керамики, что для В. Н. Зоценко и Ф. А. Андрощука послужило аргументом в пользу мысли о прекращении жизни на городище до нач. X в. В. К. Козюба первым обратил внимание на остатки во рву дерева от конструкций вала, датировав их по западнославянским аналогиям VIII–IX вв. Он также указал на скелет «великокняжеского периода» со стрелами в теле, обнаруженный в засыпке рва и, возможно, связанный с осадой Киева печенегам 968 г.

На дне рва и в нижних слоях его засыпки найдены фрагменты лепной посуды красноватого обжига с защипами по венчику, а также с заглаженной поверхностью и линейным орнаментом⁴¹. По описанию этот комплекс может быть соотнесён как с волынцевским горизонтом городища, так и со слоем Луки-Райковецкой, причём фрагменты с заглаженной поверхностью и линейным орнаментом явно принадлежат к раннекруговым сосудам. Суммарно дата обоих горизонтов: вторая пол. VIII–IX в., более же точная атрибуция возможна только при условии идентификации указанных фрагментов в коллекциях. Как неоднократно отмечал

40 *Новое в археологии Киева*. К., 1981. Рис. 130; 131; Гупало К. М. До питання про формування посаду Давнього Києва. *Археологічні дослідження Стародавнього Києва*. К., 1976. Рис. 14.

41 Толочко П. П. *Історична топографія стародавнього Києва*. С. 47.

П. П. Толочко, подобные находки свидетельствуют лишь о времени существования укреплений, но когда же они были возведены?

Реконструкция деревянных конструкций во рву как бревенчатого наката, образующего берму перед валом, предложенная В. К. Козюбой, не находит аналогий в синхронной славянской фортификации ни Правобережья, ни Левобережья Днепра, заставляя автора обращаться к западнославянским аналогиям⁴². Последнее нам кажется излишним, тем более, что сама конструкция укреплений представляется несколько иной. Подробный анализ данного вопроса мы представим в другой работе, здесь же изложим только выводы. Согласно дневнику Д. В. Милеева, т. н. «брёвна» достигали в диаметре всего лишь 5–8 см, причём на чертеже хорошо видно их расположение вертикальной стенкой с промежутками, никак не напоминающими плотный накат, сохранение же вертикальной линии стенки явно указывает на их соединение в древности плетневым методом⁴³. Наблюдаемая картина отражает существование двух ярусов плетневых «клетей», забутованных грунтом из рва, а уступ, перекрытый глиной, указывает на функциональную роль конструкции как *откоса* крутизной ок. 45°. Нечто подобное можно отметить в западнославянском городище Форберг, где решётчатый откос, перекрытый глиной, укреплял стену от её подмывания ручьём⁴⁴. Фактор воды есть и в нашем случае, поскольку откос был *опущен в ров*. Вряд ли это экстравагантная выходка строителей — это важный момент, свидетельствующий, во-первых, о вторичном использовании более древнего рва, а во-вторых — об отсутствии самого вала.

Раскопки Д. В. Милеева 1912 г. обнаружили «остатки древнего вала», а также «на внешнем гребне рва... следы кольев, забитых в землю на расстоянии 15 см друг от друга»⁴⁵. Ряд из таких же кольшков, прямоугольных или квадратных в сечении, расположенных через 15–27 см, был обнаружен во рву в 8 см от края в 1908 г.⁴⁶ Считая, что вал был снивелирован в древности, С. Р. Кириевич подвергла сомнению эту информацию⁴⁷, заслуживающую на самом деле особого внимания. На наш взгляд, следов вала не обнаружила ни одна из работавших на городище экспедиций именно потому, что его и не было — на краю рва с внутренней стороны стояла дерево-земляная стена, укреплённая глиняным откосом, частью рухнувшая в ров, частью рассыпавшаяся на площадке городища. Ширина такой стены, по остаткам глины на краю площадки в разрезе 1936 г.⁴⁸, не превышала 1 м. Остатки похожей стены шириной 0,3–0,4 м с находками лепной керамики в основании открыты П. П. Толочко и С. Р. Кириевич в 1965 г. на северо-западном

42 Козюба В. К. Городище на Старокиївській горі. С. 144–147.

43 Там же. Рис. 2; 3.

44 Кучера М. П. *Змиевы валы Среднего Поднепровья*. К. 1986. С. 155.

45 *Отчет археологической комиссии за 1912 г.* Пг. 1916. С. 118.

46 Козюба В. К. Городище на Старокиївській горі. С. 143.

47 Кириевич С. Р. *Детинец Киева IX — первой половины XIII веков*. С. 27.

48 Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. Рис. 1.

склоне Старокиевский горы, но, согласно отчёту, она перекрывает роменское жилище конца IX — нач. X в., т. е. сооружена ещё позже⁴⁹.

Датировать деревянные сооружения рва древнерусским временем не представляется возможным; не имеют они никаких аналогий и в хорошо изученной фортификации культуры Луки-Райковецкой. Отдалённой аналогией описанной конструкции стены могут быть лишь укрепления вольнцевско-раннероменского Опошнянского городища (конец VIII — вторая треть IX в.)⁵⁰.

Похожие традиции фортификации имела и другая группа славянского населения, соорудившая в конце VII в. укрепления Пастырского городища. Здесь славяне использовали уже готовые укрепления скифского времени, построив лишь на валу новую деревянную стену⁵¹. Во всех четырёх случаях (Киев, Опошня, Пастырское, Селиште) очень близка ширина стены (0,6–1,2 м), обязательна также забутовка глиной или суглинком. Наиболее ранние Селиштенские укрепления сделаны в виде стены из горизонтально уложенных брёвен, в других случаях конструкция столбовая с использованием плетня или досок. По размерам кольев киевские укрепления ближе к пастырским, чем к опошнянским, но Опошню с Киевом сближает отсутствие вала.

Традиционно киевское городище сравнивалось с городищами пражской культуры Зимно, а также Хотомель, чьи укрепления представляли собой закреплённые между двумя вертикально поставленными колодами бревенчатые стены, усиленные рвами и валами с напольной стороны. В ходе естественного обветшания такие стены несомненно рухнули бы в ров или на площадку, не оставив после себя никаких других следов, кроме сдвоенных столбовых ям. Следов подобных ям на киевском городище пока не обнаружено, нет и следов вала. Противоречит отнесению рва к пражскому времени ещё одно важное обстоятельство.

49 Килиевич С. Р. *Детинец Киева IX — первой половины XIII веков*. С. 141.

50 Как показали раскопки, т. н. «вал» городища на самом деле представлял собой развал дерево-земляной стены, состоящей из двух рядов вертикально вкопанных столбов (диаметром 0,25–0,3 м), расположенных в 0,5–1 м друг от друга; расстояние между рядами 0,8–1 м. Внутренняя стенка была забутована материковой глиной из основного рва и дополнительного, вырытого с внутренней стороны стенки специально для выемки глины (Сухобоков О., Юренко С. *Опошнянское городище*. Полтава, 1995. С. 6–11). В Опошне стена стояла на небольшом расстоянии от рва, поэтому во время пожара она развалилась на месте. Киевская же стена стояла прямо на краю рва, причём в этой части, скорее всего, не сгорела, а просто упала в ров или на сторону (разрез 1912 г.). О том, что стена в основном упала в ров, свидетельствуют разрезы 1908 и 1937 гг., нижние слои в которых представлены суглинком и глиной, и лишь сверху перекрыты уже культурными слоями.

51 Её следы сохранились в виде двух рядов столбовых ямок диаметром 0,1–0,2 м, расположенных на расстоянии 0,6–1,2 м, между которыми прослежено забутовку глиной. С внутренней стороны к валам примыкали длинные углублённые общественные дома-контини. О. М. Приходнюк сравнивает пастырские укрепления с укреплениями пеньковского Селиштенского городища, где вокруг природно защищённого плато была возведена бревенчатая стена, забутованная суглинком, от которой прослежены две канавки шириной 0,35–0,4 м на расстоянии 0,6–1 м друг от друга (Приходнюк О. М. Оборонні споруди та військове спорядження Пастырського городища. *Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е.* К.; Львів, 1999. С. 243–244).

И Зимно, и Хотомель — яркие городища-убежища. На их площадках были более поздние жилища культуры Луки-Райковецкой, но не обнаружено жилых пражских объектов, кроме длинных наземных сооружений вдоль оборонительных стен. Именно их П. П. Толочко и считает жилищами⁵², но пражские жилища всё же хорошо известны (только на Украине — ок. 350), поэтому преобладает мнение П. Н. Третьякова, Б. А. Тимощука, И. П. Русановой и др. о том, что это были общественные дома-контини⁵³. Наличие же жилищ на площадке Старокиевской горы скорее свидетельствует об обратном — неукреплённом характере пражского поселения.

Конструкция киевских укреплений могла бы относиться к пастырскому горизонту, т. е. к концу VII — нач. VIII в., но этому противоречат два момента. Во-первых, следов поселения этого времени на Старокиевской горе пока не найдено, а если оно существовало, то вне древнейшего городища. Во-вторых, Пастырское городище, в отличие от пражских городищ, было не просто заселено, но и представляло собой яркий ремесленный центр (ювелирный, гончарный, кузнечный), подтверждением чего является не только продукция, но и сами ремесленные постройки. Ничего похожего нет в Киеве, а, следовательно, городище этого времени могло быть только скромным городищем-убежищем.

Итак, аргументов в пользу ранней даты сооружения укреплений древнейшего городища в нашем распоряжении пока нет — и возведение, и ремонт укреплений, скорее всего, укладываются в рамки вполне материального волынцевского слоя городища сер. VIII — нач. IX вв.

После падения волынцевской оборонительной стены в ров на его северо-восточном участке никаких попыток почистить оплывший ближний край рва не предпринималось, так же, как и попыток построить на месте разрушенной стены новые укрепления в древнерусское время⁵⁴. Рвы медленно заплывали, оставаясь, тем не менее, границей возникшего на Старокиевской горе в конце IX — нач. X в. курганного могильника. По каким-то причинам погребения внутри очерченного ровом пространства не совершали. Также не смогли в конце IX — нач. X в. посе-

52 Толочко П. П. *Древнерусский феодальный город*. К., 1989. С. 24.

53 Третьяков П. Н. *По следам славянских племён*. Л., 1981. С. 96, 121–124; Русанова И. П., Тимошук Б. А. *Древнерусское Поднепровье*. Ужгород, 1981. С. 40.

54 В этом плане крайне интересно сообщение о находке в 1912 г. на дне рва на участке возле Десятинной церкви скелета с наконечниками «великокняжеского периода» в левом предплечье и правом плече, позволяющего предположить его прямую связь с гибелью городища. Наконечники стрел древнерусского облика не должны нас смущать — похожий «почерк» разгрома наблюдается и на несомненном политико-административном центре волынцевского населения — Битицком городище, где в слое пожара найдены характерные наконечники стрел «гнёздовского» типа. И Битица, и Киевское городище погибли в рамках первой трети IX в., что в сумме с переселением групп волынцевцев на восток, в вятичский ареал, а также с резким падением хазарского влияния на материальной культуре северян раннероменского этапа, может быть связано только с вторжением на Левобережье ранних русов (см.: Комар О. В. Про час і обставини прийняття титулу «хакан» правителем русів. *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст.* Чернівці, 2003. С. 102–106; Комар А. В., Сухобоков О. В. Городище «Монастирище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности. С. 166–168).

литься на площадке городища северяне, соорудившие жилища на склоне горы. Но уже до второй пол. X в., как об этом свидетельствует камерное погребение 110, ров искусственно засыпали культурным слоем, сnivelировав площадку в ходе каких-то строительных работ, и могильник частично перекрыл ров. Ещё позже, в ходе строительства Десятинной церкви, оставшиеся углубления рва залили известью.

«Град Владимира» или «град Святослава»?

Масштабные работы по нивелировке курганного могильника перед возведением на его месте Десятинной церкви и жилых древнерусских кварталов не оставляли у исследователей сомнений в том, что укрепления «града Владимира» сооружены именно в это время. С Владимиром действительно связано возведение целой сети укрепленных «градов» на границах, поэтому строительство и развитие Киева казалось более, чем закономерным. Столь масштабные перепланировки Киева, впрочем, не упоминают ни летописи, ни жизнеописания Владимира. Почему?

По мнению В. К. Козюбы, то обстоятельство, что погребение 110 перекрыло ров уже сnivelированного древнейшего городища свидетельствует о начале перепланировочных работ в более раннее время, скорее всего, после первой серьёзной осады Киева печенегами 968 г.

Версия о строительстве «града Владимира» на 20 лет раньше, в 969–970 гг., довольно любопытна, но что, в таком случае, представляла собой новая крепость на Старокиевской горе, фактически просто оградившая (но не уничтожившая!) наиболее плотную часть курганного могильника? Это могло быть только городище-убежище для жителей Подола, хотя в таком случае остаётся непонятным, почему на его территории продолжали хоронить, вместо того, чтобы создать хоть какую-то военную и административную инфраструктуру? Реальный город возник здесь только в результате безжалостной нивелировки могильника неопитом Владимиром с целью перенести административный и христианский центр на доминирующую высоту Киева.

Языческое требище

Расположение каменного сооружения, открытого В. Хвойкой в 1908 г. и интерпретированного как языческое капище, в центре древнейшего городища, закономерно считалось неслучайным, тесно связанным с функционированием самого городища. Разброс мнений о датировке и интерпретации сооружения (от конца V до X в.) усугубил Р. С. Орлов, предположивший, что в конце X–XI вв.

данное сооружение использовалось как постамент для бронзовой квадриги, привезенной Владимиром из Херсона⁵⁵.

Засыпка сооружения культурным слоем X–XI вв., отмеченная повторными раскопками 1937 г., на наш взгляд, не говорит о том, что его использовали до XI в., указывая лишь на время формирования культурного слоя над ним. Основным репером для датировки сооружения, в первую очередь, является слой, его подстилающий, а также конструкция кладки. Каменная вымостка лежала на утрамбованном слое глины толщиной до 0,4 м, которая перекрывала культурный слой пепельно-серого цвета с включением лепной керамики и глиняным пряслицем. Западный же выступ сооружения перекрывал угол полуземлянки с глиняной овальной печью. Она была пропущена В. Хвойкой, а в 1937 г. почему-то не прослежена дальше прирезками⁵⁶. Печь, судя по её отличию от останцовой печи жилища из усадьбы Петровского и, наоборот, близости к печи из жилища 1971 г.⁵⁷, должна относиться к пражскому горизонту, т. е. к VI в. Следовательно, сооружение возводилось в постпражский период, когда котлован от землянки уже был полностью заплывшим. Судя по глиняному раствору, кладка действительно архаична, но в её составе упомянуты кварциты и два пиррофилитовых камня⁵⁸, которые маркируют если не время сооружения, то, во всяком случае, время ремонта «капища» не ранее второй пол. X в.⁵⁹

Итак, речь идёт о сооружении несомненно культового характера, построенном не ранее VIII в. (а скорее X в.) и достоверно функционировавшем в X в. Последний факт, на наш взгляд, свидетельствует в пользу предположения Л. А. Динцева, поддержанного М. К. Каргером, И. Е. Иванцовым, В. В. Седовым, Я. Е. Боровским и др., что речь идёт о святилище Перуна на горе, перед которым присягали Олег и Игорь⁶⁰. Важный момент: славянские святилища и в описаниях, и по данным археологии, *всегда экстерриториальны* по отношению к поселению. В этом был не только ритуальный, но и практический смысл — славянские праздники всегда предполагали участие в ритуалах большого количества людей, для чего и выбирались большие открытые площадки. Кроме того, в VIII–X вв. практически все известные святилища окружены символическим или реальным рвом⁶¹, что подталкивает нас к выводу о том, что «капище» соорудили не ранее второй пол. IX в. в центре древнейшего городища, использовав его площадку как сакраль-

55 Орлов Р. С. Про функціональне призначення київського капища 1908 р. *Історія України-Русі (історико-археологічний збірник)*. К., 1998. С. 193–208.

56 Каргер М. К. *Древний Киев*. С. 110; Орлов Р. С. Про функціональне призначення київського капища 1908 р. Рис. 2, 6.

57 Килиевич С. Р. *Детинец Киева IX — первой половины XIII веков*. Рис. 12.

58 Орлов Р. С. Про функціональне призначення київського капища 1908 р. С. 195.

59 Как полагает В. К. Козюба, красные кварциты и пиррофилиты, добывавшиеся на Овручском круже, могли попасть в Киев в качестве строительного материала не ранее конца X в.

60 Каргер М. К. *Древний Киев*. С. 112; Иванцов И. О. *Стародавній Київ*. С. 117–119; Седов В. В. *Восточные славяне в VI–XIII вв.* М., 1982. С. 263. Боровский Я. Е. *Світлогляд давніх киян*. С. 56.

61 Седов В. В. *Восточные славяне в VI–XIII вв.* С. 261–264.

ную зону, вне которой формируется могильник. Интересно, что такая же ситуация наблюдается и в Чернигове. Древнерусский могильник X в. с курганом с показательным названием «Гульбище» занимает доминирующие высоты города — Болдины горы, на склоне которых расположена церковь Ильи — традиционного православного заместителя Перуна, а под ней находятся «Святая роща» и «Святое озеро», маркируя, по мнению Б. А. Рыбакова, древний языческий ритуальный центр Чернигова⁶².

Дальнейшая судьба киевского «капища» не совсем ясна. М. Ю. Брайчевский, комментируя сообщения Иакова Мниха о сокрушении Ольгой «требищ бесовских» после крещения, поначалу высказал сомнения в возможности столь вызывающего акта, но затем уверенно объяснил строительство нового пантеона Владимиром именно фактом уничтожения «капища» (или корректнее — «требища») Ольгой или Ярополком⁶³. Летописное сообщение о сооружении Владимиром нового пантеона во главе с Перуном «вне двора теремного» вызвало огромное количество комментирующей литературы, нас же интересует судьба старого требища Перуну. Оказалось ли оно внутри княжеского двора или находилось там уже при Ольге? Могло ли вообще функционировать языческое требище рядом с домом княгини-христианки?

Наиболее захватывающий сценарий событий предстаёт в свете концепций М. Ю. Брайчевского и Я. Е. Боровского: в 946 или 957 г. Ольга уничтожает требище Перуна, строя при помощи греческих архитекторов первую каменную церковь; в 970 г. её разрушает Святослав, а в 980 г. остатки церкви уже используются Владимиром при сооружении нового капища вне двора, с которым обычно отождествляют сооружение, открытое по ул. Владимирской, 3. Последнее включало большое количество плинфы и остатков фресок, позволивших Я. Е. Боровскому заключить, что «капище» сложено из обломков разрушенной церкви, а Ф. А. Андрощуку — что это и есть остатки самой разрушенной церкви⁶⁴. Серьёзность выводов очевидна, но, несмотря на сенсационность открытия довладимириана каменного церковного строительства, особого резонанса версия не получила. Причина проста: анализ обломков церкви из «капища» показал их тождественность материалам Десятиной церкви, расположенной всего в 50 м от него. В южной части фундаментов «капища» камней не было, а заполнение фундаментных рвов состояло из плинфы, цемянки, обломков шиферных плит, а также материалов конца X–XI вв., что, по мнению авторов раскопок, объяснялось более поздним изъятием фундаментных камней⁶⁵. Ключевым для датировки сооруже-

62 Рыбаков Б. А. *Язычество Древней Руси*. М., 1988. С. 307.

63 Брайчевский М. Ю. *Утверждение христианства на Руси*. К., 1989. С. 110, 131.

64 Боровский Я. Е. *Мифологический мир древних киевлян*. К., 1982. С. 47–49; Боровский Я. Е. *Світогляд давніх киян*. С. 58–61; Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. С. 30–31.

65 Боровський Я. Е., Толочко П. П., Харламов В. О. Звіт Старокиївського загону Київської археологічної експедиції Інституту археології АН УРСР про археологічні розкопки під будинком

ния стал факт «перерезания» его южной части погребением X в., но именно оно полностью разрушает предложенную авторами раскопок интерпретацию стратиграфической ситуации. Ведь если в более позднее время засыпка фундаментных рвов была выбрана и забутована вновь уже без камней с попаданием сюда материалов XI в., то каким образом погребение конца X — нач. XI вв. могло её перерезать? К сожалению, среди полевых чертежей нет разрезов, способных прояснить ситуацию, но на рабочем плане хорошо заметно, что погребение нарисовано поверх стёртого замкнутого контура фундаментного рва, т. е. сначала был выбран контур рва и лишь затем под ним проступило погребение⁶⁶. Этот факт полностью меняет интерпретацию: языческое погребение с ножом и гробом X в. было перекрыто фундаментными рвами неизвестного деревянного сооружения (возможно, часовни) не ранее второй пол. XIII в., при постройке которого были использованы руины разрушенной Десятинной церкви.

Итак, каменное строительство времён Ольги опять остаётся под вопросом. Сообщение же летописи о том, что каменный терем Ольги стоял на Старокиевской горе уже в 946 г. — несомненно поздняя интерполяция, так как традиции каменного строительства могли быть принесены в Киев только после принятия Ольгой христианства. Следовательно, легенда о погребении древлянских посланцев на Киевской горе могла просто слиться с известиями о расположении здесь же Ольжиного терема. Но сам факт сооружения Ольгой терема на территории святилища и могильника крайне интересен. Нарушение княгиней сакральной зоны, вероятно, свидетельствовало о её решительном разрыве с языческой традицией.

Слабые познания летописцев XI в. о топографии Горы X в. отразились и в локализации под 983 г. двора варягов-христиан на месте Десятинной церкви⁶⁷, то есть на территории могильника.

Первым жилым сооружением на Старокиевской горе после гибели волынцевского городища стал теремный двор Ольги, возведённый на месте разрушенного в 957 г. святилища Перуну. Возможно, именно во время разрушения требища и нивелировки поверхности святилища под постройку княжеского двора и были засыпаны рвы древнейшего городища. Но сама засыпка рвов ещё не свидетельствует об одновременной постройке кольца укреплений «града Владимира» — следует вспомнить, что, согласно летописи, двор Ольги находился «вне града». В 980 г. Владимир возобновил капище, но поставил кумиры уже «на холму вне двора теремного». При отождествлении холма с Андреевской горкой или при его локализации на месте Васильевской церкви — капище в любом случае окажется зажатым между укреплениями и курганным могильником. Согласно же принципам устройства славянских святилищ, капище должно находиться вне поселения

№ 3 по Володимирській вул. в 1975 р. *НА ІА НАНУ*. № 1975/25. С. 2–7; Щоденник роботи Старокиївського загону II Київської археологічної експедиції Інституту археології АН УРСР. Розкопки під будинком № 3 по Володимирській вул. К., 1975. *НА ІА НАНУ*. № 1975/25. С. 4–5.

66 Факт обнаружения контуров погребения только после выемки заполнения рва подтвердил В. К. Козюбе в устной беседе Я. Е. Боровский.

67 *ПСРЛ*. Т. 1. Ст. 82–83; *ПСРЛ*. Т. 2. Ст. 69–70.

в высокой точке, хорошо видной из окрестностей, а перед ним нужна свободная площадка. Это косвенный факт, но он всё же противоречит дохристианской датировке укреплений «града Владимира».

«Град» Киева второй пол. IX — первой пол. X в.

По мнению В. Н. Зоценко, в X в. княжеский град находился на Замковой горе. Основания для этого есть, но они, к сожалению, пока лишь косвенные. Поселения культуры Луки-Райковецкой, расположенные в таких же топографических условиях, действительно практически всегда обнесены хотя бы простейшими оборонительными сооружениями в виде деревянной стены с откосом. Но поселение на Замковой горе второй пол. IX — первой пол. X в. по культуре откровенно славянское, ничем не напоминающее культуру Ладоги или Рюрикового городища, что никак не вяжется с ожидаемым «русско-скандинавским» обликом дружины киевского князя.

Решить проблему в какой-то степени могла бы гипотеза Г. С. Лебедева и В. А. Булкина о локализации крепости княжеской дружины на Лысой горе, отождествляемой исследователями с «Самватасом» Константина Багрянородного⁶⁸. Но П. П. Толочко и И. И. Мовчан справедливо подвергли критике удобство расположения такой крепости, а Ф. А. Андрощук отнёс городище к зарубинецким, указав также на невозможность одновременного функционирования здесь в X в. могильника и древнерусского поселения⁶⁹. В аргументации Ф. А. Андрощука всё же выпущено несколько важных моментов. Так называемая «Лысая гора» представляла собой не единый мыс; под этим названием кроется система отрогов над Иорданским монастырём и южнее его. М. К. Каргер считал, что городище к XX в. было полностью уничтожено⁷⁰. Но согласно плану И. Е. Иванцова⁷¹, городище расположено на сохранившемся северном отроге, т. е. в прямом смысле «над Иорданской церковью». К сожалению, это — остатки квадратного редута XVIII в., ошибочно принятые исследователями XIX в. за древнее городище⁷². Вершина этого холма покрыта кладбищем Иорданского монастыря и археологами не исследовалась, остатки же церкви древнерусского времени и могильника X в. обнаружены ниже, на террасе. Исследования 1965 г.⁷³ производились в совершенно другом месте. Речь идёт об остатках Юрковицы — практически уничтоженном ныне южном отроге «Лысой горы», отделённом оврагом от

68 Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. *Археологические памятники Древней Руси IX–X вв.* Л., 1978. С. 13–14.

69 Толочко П. П. *Древний Киев.* С. 48–50; Мовчан И. И. *Давньокіївська околиця.* К., 1993. С. 143–144; Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. С. 38, 42.

70 Каргер М. К. *Древний Киев.* С. 112.

71 Иванцов И. О. *Стародавній Київ.* С. 68.

72 Благодарим В. К. Козюбу за указание на этот факт.

73 Максимов С. В., Орлов Р. С. Могильник X ст. на горі Юрковиця у Києві. *Археологія.* № 32. 1978. С. 63–79.

основной её центральной части, в свою очередь, отрезанной оврагом от северного отрога над Иорданской церковью. Исследования на Юрковице показали наличие здесь слабых следов зарубинецкого вала, древнерусского бескурганного могильника христианского обряда (но, возможно, с ранними, ещё «полуязыческими» погребениями рубежа X–XI вв. — погребения 7, 11, 12), а также жилища X в. Следы поселения X в. обнаружены и рядом, на Щекавице⁷⁴, но никаких фактов существования древнерусского городища на Юрковице или Щекавице в нашем распоряжении пока нет.

Учитывая кульгово-погребальное значение Старокиевской горы до сооружения «града Владимира», в поиске вероятного места локализации киевского града X в. мы неминуемо возвращаемся к Замковой горе. Отсутствие ярких «аристократических» или ремесленных находок X в. с Киселёвки (а они обязательно были бы в результате постоянного размыва и обвала слоя) — ещё не повод отрицать возможность локализации здесь княжеского двора. Молодая древнерусская государственность второй пол. IX — первой пол. X в. вряд ли успела создать заметное имущественное расслоение общества, отдельный «аристократический» стиль жизни. Ранний княжеский двор на Киселёвке, скорее всего, был мало похожим и на более поздний детинец, и на средневековый замок XV–XVII вв. с их плотной военно-аристократической застройкой, напоминая большую укреплённую усадьбу с большим деревянным теремом, амбарами, погребями и полуземлянками челяди. Возможно, здесь же находились и «казармы» для части дружины, хотя нарисованный арабским авторами образ «очень высокого замка» хакана русов, в котором «постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников», спящих вокруг ложа хакана⁷⁵, скорее следует воспринимать как своеобразный «рекламный проспект» русской военной демократии, в которой князь разделял кров и пищу со своей дружиной.

Подол

В то время, как на Замковой горе, Детинке и Кудрявце открыты полуземляночные жилища второй пол. IX — первой пол. X в. с печками-каменками и лепной и раннегончарной посудой культуры Луки-Райковецкой, древнейшие слои Подола демонстрируют исключительно срубные постройки с глиняными печами, аналогичные домостроительству Новгорода, Старой Ладogi, Полоцка и др., с гончарной древнерусской и, что крайне интересно, лепной роменской керамикой⁷⁶. «Северные» домостроительные традиции, фиксируемые уже древнейшим срубом № 21 с Житнего рынка (дендродата 887 г.), появляются в Киеве только во «время Олега», возможно, демонстрируя «ладожский след» в археологии ранне-

74 Богусевич В. А. Про походження і топографію Києва за археологічними даними. С. 68–69.

75 Ковалевский А. П. *Книга Ахмеда ибн-Фалана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.* Харьков, 1956. С. 146.

76 Толочко П. П. *Древний Киев.* С. 110–119; Сагайдак М. А. *Давньокієвський Поділ.* С. 88–90.

го Подола. Принесенный новый тип наземных срубных жилищ позволил впервые заселить этот влажный, ежегодно заливаемый селями и паводками (а в X–XII вв. ещё и проседающий) район Киева. Но почему же горожане так упорно держались за столь неблагоприятную и даже опасную зону?

Ключевым фактором традиционно считается близость к Днепру и речному порту, играющему, согласно Константину Багрянородному, важную роль сборного пункта на «пути из варяг в греки». Довольно неожиданную струю в проблему происхождения киевского Подола внесло открытие «подола» X в. в Шестовице⁷⁷. Как показал анализ Н. В. Хамайко, шестовицкий «подол» представлял собой отдельное сезонное торгово-портовое поселение со своим могильником, отделённое естественной границей в виде р. Жердова от главного, постоянно функционирующего комплекса, состоящего из городища, посада и могильника на террасе⁷⁸. Если допустить, что культурная разница между ранним киевским Подолом и поселениями на горах обусловлена не гипотетическим расселением в пойме перемещённого Олегом «ладожского» населения, а тем же первоначальным характером Подола как сезонного портового поселения, существующего только в период активной навигации на «пути из варяг в греки», также снимается и проблема паводков.

Второстепенная, зависимая роль раннего Подола подчеркивается и в летописи, где его единственное упоминание в событиях X в. гласит: «на Подолѣ не сѣдахуть люде но на горѣ». Но, как это не парадоксально, именно роль Подола как большого сезонного торгово-портового поселения в удобной географической точке схождения «деснянского» и «днепровского» водных путей и предопределила роль всего Киева как столицы Руси.

Сценарий развития города

Возникновение поселения VI — нач. VII вв. на Старокиевской горе связано с населением пражской культуры, следы активности которого наблюдаются и на соседней Замоквой горе. Затем последовал перерыв до конца VII — нач. VIII вв., когда на Старокиевской горе по находкам ювелирных изделий фиксируются следы населения «пастырской» традиции. Судя по наличию в Киеве кладов 2-й группы по О. А. Щегловой, в нач. VIII в. его достигло вторжение группы кочевников перещепинской культуры, разгромивших и само Пастырское городище. Кочевнические погребения перещепинской культуры на Киевщине (Журавлиха, Белая Церковь, Геленовка) укладываются в рамки первой трети VIII в., затем в середине — второй пол. VIII в. здесь появляются памятники волынцевской культуры (Ходосовка, Обухов, Киев). С волынцевским населением связано сооруже-

77 Коваленко В. П. Нові дослідження Шестовицького археологічного комплексу. *Археологічний літопис Лівобережної України*. № 1. 1999. С. 40–41.

78 Хамайко Н. В. Дуалізм поселенської структури Шестовицького комплексу. *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.* К., 2002. С. 297–301.

ние или, как минимум, обновление городища на Старокиевской горе, которое гибнет в первой трети IX в. в результате штурма. Во второй пол. IX в. на Замковой горе, Детинке и Кудрявце возникают поселения культуры Луки-Райковецкой, которые в X в. эволюционируют в древнерусские. В 80-х гг. IX в. возникает роменское поселение на склоне Старокиевской горы и Подол как сезонное торгово-ремесленное поселение. С конца IX в. начинает формироваться и древнерусский курганный могильник на Старокиевской горе. В центре древнейшего городища возводится требище Перуну (не обязательно изначально каменное), с сооружением которого, возможно, было связано и возведение новой деревянной ограды по периметру городища, хотя и без чистки вольнцевского рва. В 957 г. требище Перуну уничтожает принявшая христианство княгиня Ольга и переносит на территорию святилища княжеский двор, в котором позже сидит и Ярополк. В 980 г. Владимир возобновляет на Старокиевской горе языческое святилище, разместив его на Андреевской горке или же за окраиной курганного могильника в районе более поздней Васильевской церкви. В 989–990 гг. происходит глобальная перепланировка — сносятся капище и курганный могильник, закладывается Десятинная церковь, возводятся жилые постройки и валы «града Владимира», окончательно закрепившие статус городского центра за Старокиевской горой.

Основатели Киева

Как соотносится летописная версия возникновения Киева и её хронология с археологическими реалиями?

Летопись знает об осаде аварами Константинополя (626 г.) и о их легендарном насилии над дулебами, о войне тюрков (принятых за предков «белых угров») в союзе с императором Ираклием с персами (627–629 гг.), о приходе изгнанных хазарами болгар Аспаруха на Дунай (680 г.) и подчинении ими придунайских славянских племён. Рассказ о возникновении Киева размещён перед этими событиями, но после рассказа о великом расселении славян VI–VII вв.

Этноним «поли», по Г. А. Хабургаеву, действительно принадлежит к группе бессуффиксных, возникших не позже времени распада праславянского языкового единства⁷⁹, к которым также принадлежат дулебы, сербы, хорваты, чехи, север, дерева — этнонимы, устойчиво повторяющиеся в разных местах славянского расселения. «Поли» известны в Польше (поляне, поляки), Болгарии (поляки, польчане, польци), Моравии (поляне), Словении (поланцы), Поднепровье (поляне)⁸⁰. Если обратить внимание на сложенную О. Н. Трубочёвым карту распространения топонимов с основой «Киев», охватывающих все славянские регионы за исключением Словении, становится совершенно ясной датировка праславян-

⁷⁹ Хабургаев Г. А. *Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза*. М., 1979. С. 203–204.

⁸⁰ Грушевський М. С. *Історія України-Руси*. Т. 1. К., 1991. С. 189.

ским временем и легендарного персонажа «Кия»; также к праславянскому времени О. Н. Трубочёв относит возникновение слова «кияне», означающего не «жители Киева», а «люди Кия»⁸¹. Поскольку славянское расселение VI–VII вв. выразительно связано в носителями пражской культуры, практически нет сомнений в том, что возникновение топонима «Киев» действительно связано именно с пражским поселением VI в. на Старокиевской горе.

Следующий этап летописной истории Киева связан с появлением хазар и подчинением ими киевских полян. Как мы уже аргументировали в ином месте, данные археологии на сегодня позволяют уверенно датировать проникновение хазар к Киеву нач. VIII в.⁸² Этот горизонт фиксируется кладами 2-й группы по О. А. Щегловой, и, хотя слоя этого времени на Старокиевской горе пока не обнаружено, есть веские основания предполагать неслучайность нахождения здесь кладов и отдельных вещей пастырского круга. Вхождение региона Правобережного Среднего Поднепровья в состав влияния Хазарского каганата выразительно подтверждается распространением здесь, начиная с сер. VIII в., памятников волынцевской культуры, основной ареал которой охватывал регионы расселения северян и вятичей. Пограничный характер правобережных волынцевских поселений определил как нетипичную для этой культуры «городищенскую» топографию поселения в Киеве, так и сооружение киевского городища. В первой трети IX в. старокиевское городище постигла судьба большинства волынцевских поселений — его сожгли в результате вражеского нападения. Скелет с наконечниками в теле, обнаруженный в киевском рву — не единственное свидетельство разгрома. Пожары с человеческими жертвами находим на Битицком городище — несомненном административном центре волынцевского населения; также о разгроме свидетельствуют и недавняя находка клада и двух обгоревших человеческих черепов в волынцевских жилищах Андрияшевки⁸³. Масштабный разгром населения волынцевской культуры обусловил серьёзное запустение Днепровского Левобережья, а также заметное падение хазарского влияния в материальной культуре северян раннероменского этапа, что в первой трети IX в. трудно связать с иными событиями, кроме начала проникновения русов в Среднее Поднепровье и возникновения «Русского каганата».

Летопись связывает освобождение полян от хазарской дани с мирным появлением в Киеве варягов Аскольда и Дира около 862 г. Реальная хронология событий относит их к первой трети IX в. и указывает на совершенно другой, насильственный сценарий подчинения Киева русам, разгромившим старокиевское городище. К сожалению, на сегодня у нас нет реальных фактов, подтверждающих бы существование Киева во второй трети IX в., т. е. во время наиболее захватыва-

81 Трубочёв О. Н. *Этногенез и культура древнейших славян*. С. 133–136, карта I.

82 Комар А. В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным.

83 Жаров Г. В., Терпиловський Р. В. *Скарб срібних прикрас VIII століття з Андрияшевки на Сулі*. К., 2004.

ющих событий в истории «Русского каганата»: посольства 837–839 гг. и походов на Сурож 852 г. и на Константинополь 860 г. Поселения культуры Луки-Райковецкой на Замковой горе, Детинке и Кудрявце возникают во второй пол. IX в., но после 860 г. или раньше — сказать пока невозможно. Культурно новое население соотносится с древлянами, припоминание о чем, возможно, сохранилось в летописи (поляне «быша обидимы Древляны»). Лишь в 80-х гг. IX в., когда возникает Подол, подчиняются и частью переселяются в Киев северяне, а на Старокиевской горе начинает формироваться курганный могильник, в Киеве наконец-то археологически вычленяются «русы».

Книжная легенда об особом полянском (или «росском») княжестве в Среднем Поднепровье с центром в Киеве сегодня не подтверждается археологией⁸⁴. Рефрен летописи «Поланомъ живущимъ ѡсобѣ» может восходить лишь к памяти о крошечном анклав вольнцевского населения на Правобережье Днепра, оторванного от основного северянского ареала и проживающего в VIII — нач. IX вв. в окружении древлян и уличей. Возникший же в VI в. как неукреплённое поселение, Киев в период VIII–X вв. не только стал градом, но и успел дважды сменить локализацию крепости. В его истории фиксируются два разгрома, четыре смены населения, причём между «пражским» и «пастырским» этапами фиксируется разрыв почти в столетие, между «пастырским» и «волынцевским» — в полстолетия, между «волынцевским» и «лука-райковецким» — в треть столетия, и только «лука-райковецкий» этап перерастает в древнерусский.

Живучесть названия «Киев», а также сохранение информации о событиях древнейшей киевской истории, в таких условиях закономерно вызывают удивление, заставляя констатировать, что несмотря на все этнические, культурные и политические пертурбации, всегда оставались носители исторической памяти, помнившие об обособленности киевского региона.

Інститут археології НАН України

84 Комар О. В. Сармати Поросся та «південна» гіпотеза походження Русі. *Vita Antiqua*. № 1. 1999. С. 85–87.